

ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВО В ОСОБАХ: М. О. МАКАРЕНКО

Анотація. У статті здійснено аналіз документів з архівів м. Києва. Вони розкривають життєвий і творчий шлях М. О. Макаренка як пам'яткоохоронця.

Ключові слова: комітет; контрреволюційний; мистецтвознавець; музеєзнавець, Михайлівський собор, Софійський собор.

Аннотация. В статье дается характеристика документов, найденных в архивах г. Киева. Они раскрывают жизненный и творческий путь Н. Е. Макаренко как защитника исторических памятников.

Ключевые слова: комитет, искусствовед, контрреволюционный, музейвед, Михайловский собор, Софийский собор.

Summary. The subject of this article is devoted to the circumstances of scientific and professional life of Ukrainian archeologist, expert in museum field and art-historian Mykola Makarenko. Its aim is to present the collection of archival documents that witnessed both the professional life of Mykola Makarenko and the social life of the period in early XX century (1920-s and 1930-s). The scientific heritage of Mykola Makarenko, that is luckily saved and preserved, includes almost 164 papers. The name of the author is tightly connected to the documenting and investigating of the historic, cultural and habitual artefacts of the Early Slavs. The discovery and studying of the settlements on the territory of Left-bank Ukraine in 8th–10th centuries, acknowledged in archeology as Slavic site of ancient settlement of Roman type is supposed to be one of the most remarkable achievements of Mykola Makarenko. The great deal of scientist's heritage is the papers concerning

development of science, culture and art in Kievan Rus and the Cossack era. The epistolary heritage of Mykola Makarenko up to this time the 24 manuscript letters to the famous scientists of that time – Vikentii Khvoika, Dmytro Bagaliy, Agatangel Krymskii, Oleksandr Hrushevky, Vasyl Danylyevych.

The article is focused mainly on two periods of Mykola Makarenko's life – Kyiv period and Kazan period, describing both the professional and political views of Mykola Makarenko. In 1934 Mykola Makarenko was one of the most active protectors of St. Michael's Golden-Domed Monastery, St Sophia Cathedral, advocating the sacred churches of Kyiv face to face with the soviet governance of the city initially, and later – with the People's Commissariat for Internal Affairs (abbreviated as NKVD), worked as a member of the committee on the dismantling of mosaics and frescoes from St. Michael's Golden-Domed Monastery, denied to sign the statement on the pulling down the cathedral. Mykola Makarenko was arrested in April and charged with the participation in counter-revolutionary organization, soon after was sentenced to administrative exile for three years to Kazan, where Mykola Makarenko was arrested for the second time less than in a year and sentenced to imprisoning for three years in Tomsk without the right of correspondence.

In 1937 the scientist was arrested for the third time and sentenced to death by the NKVD. The article reproduces the archival evidence on the sequence of accusative events and details of interrogations.

Key words: art critic, counterrevolutionary, museologist, St. Sophia Cathedral, St. Michael's Golden-Domed Monastery.

Метою статті є оприлюднення та аналіз маловідомих архівних документів, які розкривають особистість і діяльність М. О. Макаренка у період 1927–1934 років. Микола Омелянович Макаренко, український археолог, музеєзнавець, історик мистецтва, протягом 1927–1934 років жив у Києві по вул. Шовковичній, 17. Цей період був найбільш плідним у його науковій і громадській діяльності.

У 1934 р. столицю Радянської України було переведено з Харкова до Києва. Потрібен був новий “урядовий радянський центр”, і для цього було вирішено знести Софійський собор, Михайлівський монастир, Трьохсвятительську церкву. Згодом храм св. Софії вирішено було залишити, а на місці мо-

настиря і Трьохсвятительської церкви збудувати дві будівлі: Раднаркому і ЦК КП(б)У, а між ними поставити велетенський пам'ятник Леніну. Такі варварські плани схвилювали свідомих українців і, передусім, інтелігенцію. Професор М. О. Макаренко рішуче виступив проти цих проєктів, він надіслав телеграму Й. В. Сталіну, в якій вказував на безглуздість подібних рішень. М. О. Макаренко був і на аудієнції у П. Постишева, який на той час керував Україною, намагався довести, що не можна руйнувати церковні святині, які за віки пережили половців і татар, турків і поляків, але Постишев рішуче сказав: “Нет!”. Макаренко зрозумів, що доля України вирішується не в Києві, а в Москві й

не на користь Україні. Того ж року він брав участь у роботі комісії з демонтажу мозаїк і фресок Михайлівського Золотоверхого собору в Києві; відмовився підписати акт про знесення собору. 26 квітня 1934р. Макаренка заарештовано Київським міським відділом ДПУ за звинуваченням: “член контрреволюційної організації”. 23 травня 1934 р. його засудили на “административную ссылку” терміном на три роки у Казані.

Про всі ці події, які сталися в житті М. О. Макаренка, є підтвердження — це документи ЦДАГО м. Києва [15]: талон ордера № 153, який пред’явлено при трусі помешкання М. О. Макаренка [15, 1], та протокол (трус) 26. IV. 1934 р. [15, 2], в якому повідомляється, що “на підставі ордера ДПУ під № 153 26. IV місяця зробив трус у гр. Макаренка Н. Е., що мешкає в місті Левашовская вул. буд. № 17/9. помешк. № 6 ...Копію протоколу одержав [підпис]” (підпис Макаренка М. О.). У постанові від 21. II. 1934 р. вченого звинувачують в тому, що він “являється членом к-р організації... видно из имеющихся документов проводит КТ-националистическ. пропаганду; и усматривают в совершенных действиях признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 54-2. 54-11 УК УССР...” [15, 10]. Крім цієї постанови, є ще дві постанови, де звинувачують М. О. Макаренка, що він “является членом к/р фашистской организации”¹.

У слідчій справі за № 61278 давали свідчення Гордеев, Л. Левитський, М. Павлушков, Я. Струханчук. Так, Гордеев у свідченнях від 8 січня 1934 р. розповідає: “В к-р організації професор Зуммер брал на себя: I. Руководство в к. р. ячейках: а /в русской великодержавнической / во время моих от’ездов в Тифлис и б/в своей имевшей не вполне четкое персональное оформление. Она включала в себя кадр проживавших в Киеве (Вязмитина, Спасская, кроме того даже был отмечен и основанный примерно тогда же музейный семинар, в котором обрабатывался к-р. политический и чл. к-р. яч. укр. искусства (Чупин, Желтовский) и сотрудник худож. исторического музея (Поплавский, Войцеховский), оба последних лица были вовлечены проф. Зуммером в к-р. организацию.

2. Для Харькова проф. Зуммер являлся по к-р. линии основной связью с Киевскими к-р. кругами — как лицо имевшее там обширное знакомство. Из этих связей могу назвать...

в) Лаврский музейный городок проф. Моргилевский, давнишний знакомый проф. Зуммера и

одно время сослуживец по работе при академике Шмидте, проф. Моргилевский поляк примыкавший к различным группам укр. националистов, но державший связь с “великодержавниками”. Менее интенсивно связи были с Мощенко, Куриным, Шугаевским, Новицкой.

г) Сельскохоз. музей. Спасская, укр. националистка, ученица проф. Зуммера, вовлечена им в к-р. организацию.

д) Всеукраинский археологический комитет, — через академика Новицкого, являвшегося также руководителем Киевской кафедры естествоведения, в которой работали вышеназванные... Около академика Новицкого по комитету группировались значительные кадры укр. националистов, например Куринный / б. одно время секретарем и заправлявший делами / Макаренко, позже Козубовский.

Верно: [подпись]”. [15, 8].

Є також свідчення Гордеева від 13 січня 1934 р.: “...Распределение обязанностей среди верхушки к-р. организации было следующее: Я служил связывающим звеном между русским и укр. националист. элементами организации, профессор Зуммер вел работу по непосредственной связи с Киевом через Вязмитина, Эрнста, Спасскую и др., Дубровский и Таранущенко держали непосредственную связь с периферийными к-р. Ячейками. ...Одним из активных организаторов к-р работы в Чернигове являлся Дубровский, который заложил на Черниговщине ряд к-р. ячеек. Черниговская к-р. организация по словам Дубровской была довольно многочисленной, в ее кадры входили: работники архивов, учащаяся молодежь и музейные работники. Связи с музеем была оружейная мясная база. Черниговская организация по словам Дубровского, была тесно связана с Киевскими музейными к-р. организациями /Шевченковский Эрнст,

Б. Пилипенко, Лаврский — Чугаевский, и была связана с к-р ячейками в окрестных селах...

...В Киеве был наимогущественный блок музейных к-р. ячеек, при Лаврском музейном городке (Куринный, Чугаевский, Мощенко, Моргилевский, Потоцкий, Новицкая). В музее Искусств ВУАН к-р. работу проводил Гиляров и Вязмитина. В Сельхоз. Музее Спасская. В историческом музее им. Шевченко Эрнст, Пилипенко, Мощенко. Киевские музейные к-р. ячейки увязывались персонально через Курино с ячейками Всеукраинского Археологическо-

го комітета при ВУАН (академик Новицький, Макаренко, пізніше Козубовський).

Верно: [підпись]" [15, 9].

Є також свідчення Л. Левитського: "Під час похорону проф. Щербаківського я чув промову т. Макаренка, в якій, між іншим, він, звертаючись до труни покійного зазначив: "палачи тебе замучили". На жаль, промову свою Макаренко виголошував дуже тихо, я стояв позаду його, тому більш що не будь почути мені не пощастило.

27/ IV — 27 г. Л. Левитський" [15, 5].

М. Павлушков також давав свідчення: "Колись писав я вже раніш про ворожнечу між Єфремовим та ректором КХУ Вроною, писав, здається і про те, що тоді ж теж певні кола укр. інтелігенції — художники, наукові робітники, студентство певного ухилу силами було й надіслали до Харкова заяву, де вимагали зняти того Врону з усіх його посад і призначити комісію для розгляду його попередньої діяльності". В кабінеті Єфремова "одвідувалися наради з його приводу. Бували тоді там художники, професори КХІ й взагалі діячі мистецтва. Хто саме бував на тих нарадах сказати з певністю тепер я не можу, але пригадую, що тоді ще називалися імена проф. Макаренка, Михайлова, Дяченка, Жука, Козика та ще когось, що брали найбільшу участь у тій справі" [15, 6].

У справі є також витяг з протоколу допиту Я. Струхманчука: "...В дополнение к ранее названным из известных мне членов организации, вспоминаю:

Житомир — директор музея Май (завербован Молчановским)

Уманщина — І/ Лисяк — работает в лесничестве, член Уманской организации, б. стрелец.

2/ Пекар — "—"

3/ Валицкий — "—"

4/ Сатанинский — работает в Уманском Наробразе.

5/ Кравченко — врач в Умани.

6/ Кравченко — брат врача Кравченко

Киев І/ Шугаевский — сотрудник Лаврского музея.

2/ Михайлов Ефим — художник (завербован мной).

3/ Кричевский Федор

4/ Солодуб — артист (завербован мною).

5/ Макаренко — профессор (завербован Козоризом).

6/ Антоненко-Павлович — литератор (завербован Атаманюком).

7/ Фальковский — литератор

8/ Христич — лектор в Совпартшколе (завербован мной)" [15, 7].

Про те, як проходив допит М. О. Макаренка, свідчать два протоколи допитів звинуваченого. Перший допит проходив 8. 05. 1934 р. [15, *арк. 13–15, 15 зв.*]: "Об отношении к делу с Михайловским монастырем. Мое отношение к делу о разборке монастыря следующее. Когда в Институте стало известно, что при новой распланировке города Киева предстоит снос здания б. Мих. мр-я. Я сначала не поверил в возможность такой акции, считая, что памятник, возведенный первыми русскими мастерами (и сама архитектура и мозаики и повидимому фрески) является исключительными по своей исторической и художественной ценности и просто не хотел верить в возможность такого сноса, предполагая тут в этих случаях какие-то неверные сведения. А так как делом распланировки Киева ведал АПУ Киева, я доказывал своему начальству — директору института о необходимости подать свой голос в защиту памятника, как одного из виднейших могущих стать источником (в обмерах строительн. и художествен. деятельности) для изучения исторического процесса и его диалектики. Я говорил: очевидно в АПУ нет знающих в этом вопросе лиц, надо объяснить им. Директор отвечал, что мы занимаемся научными вопросами и дело защиты [памятников старины] находится в руках института, она (мова про Академію мистецтв. — Н. Я.) и должна об этом поднять вопрос. Это меня очень волновало. Повторяю — перед нами памятник исключительного не местного всесоюзного и даже больше — значения. Равнодушие нынешнее меня возмущало. По моему должны же были мы (институт) высказать свое мнение. АПУ очевидно не осведомлено о значении памятника. Надо им открыть глаза. Пусть знают "не варвары же мы" что будем молчать — говорил я. Тогда мне не верилось в возможность уничтожения памятника. Я волновался очень и с горячностью доказывал о необходимости возбудить вопрос официально о необходимости сохранения памятника. В результате этого... было поручено мне, Моргилевскому, Молчановскому составить проект доклада. Записки от имени Президии Акад. наук, о значении памятника. Записка была составлена. Кому она направлена и направле-

на ли — я не знаю. Вообще вопрос о сносе здания б. Мих. мр-я как первостепенного исторического источника меня крайне волновал и в вопросе особенно, когда мне казалось, проявляют равнодушие, я не мог быть равнодушен и в горячности допускал такие выражения как выше упомянул “не варвары же мы”. Допустимо возможность в горячности говорить много в защиту памятника, по своему характеру, но говорить абсолютно не по адресу лиц или учреждений, тем более.

О моих взаимоотношениях с Зуммером. Познакомился по приезду в Киев, повид. в 1920. Встречался крайне редко. Бесед с ним никогда не вел, за исключением момента, когда мне поручено было редактировать “Зборник мистецтв” я обратился к нему с просьбой дать какую нибудь свою работу. Получив оттиск я потом никогда с ним не вел никаких бесед, дел и был мало знаком. С момента выезда его из Киева в Баку я с ним ни одного разу не встречался (с 1926 года?)

Мои встречи с Козоризом. Раза два я встретил этого гражданина будучи на приеме у уполномоченного Укрнауки т. Левицкого по своим делам. (Музея Искусств Академии Наук). Где Козориз занимал должность письмоводителя или секретаря (не помню). Знакомство и ограничивают лишь этим. После этого (то было до 1927 года) я с Козоризом не встречался ибо собственно говоря и не был с ним знаком. Знал встречая на улице что это и есть Козориз но мы даже не раскланивались. В тех двух случаях когда я его встречал никаких разговоров с ним не вел кроме просьбы доложить Левицкому что я хочу его видеть по делу.

Мои взаимоотношения с акад. Новицким. Познакомился с ним около 1921 года на почве работы в Археологическом Комитете и в Музее Искусств Акад. наук где он был членом Комитета. После 1934 г., когда он подписал акт обследования Музея с явно неверными сведениями, не подтвердившись следствием, относительно якобы преступной деятельности в музее, я с ним старался возможно реже видаться и разговаривать, считая его своим врагом. Потом я выбыл и из числа членов Археологического Комитета и окончательно порвал с ним всякие сношения. Но, приблизительно в 1929-30 г. когда умерла его жена я был на похоронах ея, из уважения к старухе, оставившей по себе хорошую у меня память. После этого акад. Новицкий сделал вид что ему приятно со мной встречаться. Заходил

два раза ко мне: первый раз с благодарностью за оказанную память о старухе; второй раз с просьбой сделать ему ряд фотографических снимков с планов родных крепостей и городов необходим. ему для работы об укреплениях древних пунктов. Эту работу я по разным причинам не мог выполнить, за исключением двух трюх снимков. Виделся с ним последнее время в декабре 1930 г. Разговоры велись... а исключительно на темы археологического Комитета. В близких отношениях с ним не был, да и не мог быть в силу его двойственного характера: с виду как будто благожелателен, на деле всегда вредный мне.

(Н.Макаренко)” [15, арк. 13-15, 15 зв.].

У справі знаходиться і другий протокол допиту від 22 .05. 1934 р. В ньому Макаренко дає такі свідчення: “Будучи попередженим о содержанию ст. 89 УК УССР по существу дела свидетель показал следующее:

Я родился на Украине. В 1896 г. я переехал в тогдашний Петербург где учился и работал и лишь в 1919 г. переехал на Украину в г. Киев. Помимо тяжелых материальных причин возвращение на Украину было связано с желанием работать на пользу моей родины. С момента приезда в Киев я приступил к работе в комитете, впоследствии называвшийся Археологическим Комитетом. Здесь я столкнулся впоследствии с людьми, деятельность которых не соответствовала директивам Советского правительства. Я посещал заседания Арх. Комитета, близких взаимоотношений с входящими в комитет лицами я не устанавливал. Ушел я отсюда в 1927(?) и вновь примкнул лишь в 1932. С тов. председателем этого комитета Щербаковским я был внешне в хороших взаимоотношениях. В день его похорон я выступил с речью от имени И-та Книгознавства. Я припоминаю что в этой речи говорил о безвременно погибшем Щербаковском и причинах его самоубийства.

Вопрос: Как объясняете Вы заключительную часть Вашей речи на могиле, где Вы заявили, что: “палачи тебя замучили. Строить культуру приходится под руководством людей с окровавленными руками?”

Ответ: Я не помню точно фразы, но допускаю, что мог сказать подобное, так как был уверен, что смерть Щербаковского явилась следствием неправильной деятельности Виницкого — человека неопытного и некультурного.

Вопрос: Поручал ли Вам Ин-т Книгознaвства подобного рода выступление

Ответ: Нет. Часть моей речи была проникнута моими личными настроениями, не отражавшими поручения И-та Книгознaвства.

Вопрос: С кем Вы говорили об организации антисоветской деятельности, направленной к изменению существующего строя?

Ответ: Ни с кем я по вопросу об антисоветской деятельности не говорил.

Протокол написан верно. (Підпис М. Макаренка).

Допросы [підпис]. (підпис Сафир)" (15, арк. 16, 16 зв., 17).

Далі наведено обвинувальний вирок у справі Макаренка М. О.

К Делу № 6597

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По делу МАКАРЕНКО Николая Емильевича, 1877 г. рождения уроженца с. Москалевка Пол. Губ. б/п украинца, с высшим образованием, научного сотрудника ВУАН, проживавшего в г. Киеве по улице Либкнехта № 17.

1934 г. Мая 22 дня я, Уполномоченный СПО КОО ГПУ САФИР, рассмотрев след. дело по обвинению МАКАРЕНКО Н. Е., коему инкриминируются преступления, предусмотренные ст. ст. 54-2, 54-11.

НАШЕЛ:

В конце 1933 г. и в начале 34 г. органами ГПУ была вскрыта разветвленная в культурных центрах СССР контрреволюционная организация, состоящая преимущественно из работников Музеев. Организация ставила себе целью изменить существующий строй *путем свержения сов. власти.*

По показаниям одного из руководителей Харьковской группы организации — ГОРДЕЕВА, обвиняемый МАКАРЕНКО Н. Е. являлся одним из видных членов Киевской организации. / смотри сл. д. стр. 8, 9. /

МАКАРЕНКО Н. Е. известен Киевскому Обл. Отделу ГПК с 1923 г. как человек крайне реакционных взглядов, связанный с украинской интеллигенцией, в том числе и с эмиграцией, ведущей активную борьбу против Сов. Власти. / с/м. дф. стр. 182.

Работая долгое время в Ленинграде, МАКАРЕНКО в 1919 г. вернулся на Украину для ведения националистической работы. В одном из документов к проф. Б. Э. Петри в Мае 1926 г. МАКАРЕНКО признается, что:

“Работу в эти годы, как видите, вел я не за деньги. Идея заставляла расходовать все мои силы...единственно по соображениям идейно-национальным” / д/ф. стр. 20/ и действительно в годы гражданской войны, МАКАРЕНКО вел в тесном контакте с украинскими шовинистами, активную антисоветскую деятельность в стенах Академии Наук, где коммунистическое влияние не допускалось. /д/ф. стр. 21 и 63/. Одновременно МАКАРЕНКО работал в Археологическом Комитете, где также были сосредоточены активные а/ элементы, из которых черпали свои силы СВУ, БУД и другие к-р-организации. Смерть одного из руководителей Арх. Комитета ЩЕРБАКОВСКОГО была в 1927 г. использована националистами для широкой а/с агитации. На могиле ЩЕРБАКОВСКОГО выступил МАКАРЕНКО с речью, где подчеркнул, что: “палачи тебя замучили. Строить культуру приходится под руководством людей с окровавленными руками” /д/ф. стр. 47, 51, и 52., сл. д. стр. 16/.

В 1924 г. МАКАРЕНКО привлекался органами ГПУ за расхищение музейных ценностей. Вплоть до ареста, МАКАРЕНКО использовывал свои связи с эмиграцией и с научными работниками Музеев за границей для клеветы против Сов. Власти. /д/ф. стр. 52, 75,76, 77,105, 153 и 158/. Помимо этого МАКАРЕНКО с 1929 г. поддерживал очень дружественные отношения с немецким консулом. Консультируя последнего по вопросам покупки предметов искусства, МАКАРЕНКО, посещал немецкое консульство и при посещении его квартиры консулом, — передавал ему о Настроении Академии и об отношениях Академических кругов к Сов. Власти. /д/ф. стр. 101./ МАКАРЕНКО проходил по материалам ликвидированных к-р организаций СВУ и УВО — как участник этих организаций/ см. след. д. стр. 6, 7.../ В 1934 г. в связи с переездом столицы Украины в гор. Киев и разворотом строительства, МАКАРЕНКО включился в кампанию, поднятую националистическими элементами против сношения Михайловского монастыря и постройки на его месте здания правительства. Он использовал свои связи для создания общественного мнения и противодействия постановлению прави-

тельства УССР. /д./ф. стр. 143–148/. 190–192/.

Будучи привлечен в качестве обвиняемого по настоящему делу, МАКАРЕНКО Н. Е. виновным себя не признал.

На основании всего вышеизложенного, ПОСТАНОВИЛ:

След. д. № 6597 по обвинению МАКАРЕНКО Николая Емельяновича направить в СУДТРОЙКУ при коллегии ГПУ УССР с ходатайством о применении к обвиняемому меры социальной защиты — ВЫСЫЛКИ ЗА ПРЕДЕЛЫ УКРАИНЫ СРОКОМ НА 5 ЛЕТ.

СПРАВКА: Обвиняемый содержится при коммандатуре КОО ГПУ и с сего числа перечислен содержанием за СУДТРОЙКОЙ.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СПО /САФИР
СОГЛАСЕН: НАЧ. СПО /ИЛЮШИН/
УТВЕРЖДАЮ: ЗАМ. НАЧ. КОО ГПУ/ ЧЕРДАК/
обвинит. заключение проверено
[підпис] 22/V 34 г.”¹⁶

Крім вищезгаданих документів, у справі № 61278 є **довідка** про прибуття Макаренка М. О. до м. Казань:

“ УСО УГБ НКВД УССР — гор.
КИЕВ.
На № 328155 от 1 от 16/9-34 г.
КОПИЯ: УСО ГУГБ НКВД СССР —
гор. МОСКВА.

Прибытие в гор. Казань и взятие на учет а/в. МАКАРЕНКО Николая Емельяновича подтверждается, просим выслать имеющийся у Вас на него учетный материал.

НАЧ УСО УГБ УНКВД ТР:
/КЛИМОВ/
ПУПОЛНОМОЧЕННОГО:
/АВЕРЬЯНОВА”

Цей документ від 26. IX. 1934 р. № 2145, м. Казань [15, арк. 24 б].

15 вересня 1934 р. М. О. Макаренко дав **підписку** про виїзд в м. Казань: “Я нижеподписавшийся Макаренко Николай Емельянович даю настоящую подписку Укр. Гос. Безопасности НКВД УССР в том, что к месту ссылки в г. Казань выведу из г. Киева не позже 17-го сентября 1934 г. и обязуюсь

явиться в Управление Гос. Безоп. НКВД г. Казань для регистрации. За нарушение данной подписки несу ответственность по закону.

[Подпись] “15” сентября 1934 г.

В Киеве живу — Лібкнехта (Левашовская) № 17 кв. 6” [15, арк. 24 г.]

Надзвичайний інтерес для дослідників життя і діяльності становить будь-яка знахідка, написана рукою Миколи Омеляновича Макаренка. На теперішній час відомі 24 листи М. О. Макаренка, адресовані провідним ученим упродовж 1906-1928 років. Вони додатково розкривають наукові горизонти вченого зі світовим ім'ям і характеризують як людину високих громадянських помислів.

У справі за № 61278 є копія листа Макаренка М. О. до Петрі Б. Е. Лист написаний навесні 1927 р. Київ — Иркутськ. У ньому повідомляється: “В 1919 году я выехал из СПб, в командировку на Украину. Тут меня захватило движение — украинизация. Вы знаете, я сам украинец. Казалось тогда, что, действительно, я могу быть полезным родине. Не подавая в отставку в Эрмитаже, я просто после окончания времени командировки, остался здесь. Избрали меня в 1919 году приват доцентом Киевского Уни-та /Поноч. С./ с поручением читать обязательный курс украинской археологии.

Далее Украинская Академия наук избрала меня директором своего музея / бывш. собр. ХАНЕНКО. Целый ряд иных учреждений повесили мне на плечи. Работы за четыре года я выдерживал столько, что уж теперь мне кажется такая нагрузка страшной. Круглый год работаешь как вол. Ни одного лета я не знал отдыха. Было время и именно тогда, когда по полгода не платили, я читал в шести-семи высших учебных заведениях лекции. Архитект. Институт, Политехникум, высших женских курсах, Академии художеств, Музыкальном институте Лысенко, Университете, консерватории. Читал курсы: украинской археологии, общий курс истории культуры, всеобщ. историю искусства, курс украинского искусства и друг. Все занятия семинарского характера с частными группами слушателей различных учебных заведений при Музее Академии Наук. Словом, с 1919–22 г. в буквальном смысле слова голодал и сидел зимой в одной комнате при одном, двух градусах тепла. Все лекции велись в помещениях при нуле. Если бы вы видели, как мы тогда одевались и вообще на что походили. Работу в эти годы, как видите, вел я не за деньги.

Идея заставляла меня расходовать все свои силы, не хвастаясь, я должен сказать, что в сделанном мною за это время было много хорошего. Теперь бы и с самой лучшей оплатой за такой труд я не выполнил бы и половины того, что тогда было сделано без оплаты, единственно по соображениям идейно-национальным.

Наступил так называемый “НЭП”. Кое-что я сам покинул, из многих учреждений меня благородным или неблагородным образом выжили. Наконец, наступает 1925 год, самый тяжелый для меня. В этом году, по мановению волшебной или во всяком случае невидимой палочки объявлено гонение на директоров музеев Украины. Вначале предали суду Эворницкого /Екатеринослав. музея/, предъявив чудовищные обвинения. Затем директора Полтавского музея — Рудинского, далее: только сместили основателя и устроителя Киевского музея — Беляшевского, наконец, приняли за меня и также предали суду. Последним смещенным и не пред. суду директ. Черниговского музея — Шугаевский.

С тем поступали мягче всего. Рудинского судили и оправдали. Дело об Эворницком прекращено и он восстановлен в прежней должности. Со мной тянется уже скоро два года. На моем месте директора сидит никакого отношения не имеющий к музею коммунист. После меня предан суду директор Одесского музея ДЛОЖЕВСКИЙ. Возмутительная, наглая лож, возмутительное обращение. Абсолютное отсутствие каких-бы то ни было данных кроме единого желания водворить на месте свое лицо коммуниста. Остались нетронутыми лишь заведующие мелкими уездными музеями. Все это было бы неудивительным, ибо надо не знать с кем имеешь дело, но в моем деле удивило меня отношение тех, для кого я работал. При всей ясности дела, Украинская Академия Наук, которой я отдал столько силы и в ведении которой состоял, не ударила палец об палец для облегчения моей участи, как сделали это Екатеринославские деятели для ЭВОРНИЦКОГО или для ДЛОЖЕВСКОГО. Лишь тепер в Академии Наук, когда всем видна подкладка дела, начинают стремиться выяснить.

Мне было обидно такое отношение, как и вообще всего украинского общества, правда загнаного, забитого, трусливого и не самостоятельного. Теперь я только оценил его по достоинству. Ведь, право, ни на медный грош нет в них того, что называется чувством собственного достоинства. Привыкли за

две сотни лет действовать и быть в подчинении другого. То чувство человека, что хранилось и так проявилось у украинца в XVII веке, теперь исчезло без следа, а на его месте стала гнуснейшая боязнь и безграничное терпение. Что хочешь с ним делай, он вытерпит. Целый год (1925-й) я снова голодал, не имел абсолютно никаких служб, занятий.

Лишь с начала 1926 года я получил приглашение занять кафедру в Одесском политехникуме. Проголодавшись и простившись с идеей музейного строительства, так мне близкой и украинской (ибо Одесса — интернационал), я дал согласие т. б., что мне предложено было две ставки 17 разряда. Но так как я еще состою под. следствием, то должен был попросить разрешение на переезд. Вот тут то и произошла свойственная украинцам комедия. Явились два представителя от Археолог. Комитета Акад. Наук и заявили прокурору свою просьбу — не выпускать меня из Киева, так как для них человек я весьма необходимый. С одной стороны — не дают физической возможности жить, а с другой — “необходимый человек”, которого терять не желают.

Теперь живу пока тем, что читаю лекции в художественном институте. (Бывш. Академии Художеств). Нормальная работа нарушена. Музейный материал киевских материалов недоступен — с одной стороны потому, что сидят в них коммунисты — мои злейшие враги, с другой — заниматься там невозможно, так как по поводу каждой вещи, с какой бы хотел заниматься, нужно писать особое заявление, что не всегда бывает приятным.

В настоящий момент я серьезно думаю о том, куда бы направить себя. Остаться здесь — не улыбается. Да и работы, по видимому, никакой. Нельзя же чтение лекций считать своей основной работой. Было бы кому. В Университете давно не читаю. Да и наши университеты превращены в проходные дворы, где занимаются чем угодно, но не наукой. По объему знаний наши университеты теперь уже — ИНО (Инст. Народного Образования) — “Институт народної Освіти” — соответственно прежним учительским институтам.

Уничтожены все те предметы, от которых хоть немного пахнет наукой. Вы можете не верить такому общему утверждению. Но вот вам факт. Два года тому назад восстановлен мой курс (читает Данилевич) первобытной культуры. Так, какой же рекомендован курс-пособие? — НИКОЛЬСКОГО признан

трудным, который с такой подготовкой, которую имеют наши студенты, не будет усвоенным. ОБЕР-МАЙЕР — прямо не допустим (слишком трудный) и рекомендованным остался курс КУДРЯВЦЕВА. Это, если помните, популярное изложение для сельских школ или бывших городских школ. Еще один факт: на днях к ректору явились студенты с жалобой на одного из наших лучших математиков за то, что они читают им студентам то, что они не понимают. В чем же дело. Он говорит: “Бином Ньютона, а не поясняет, что это такое”. Им сказали, что объяснение этого термина дается в предыдущих курсах трудовой школы или профшколы. А в ответ получили: “А если мы не знаем”.

Мой Ор, между прочим, этой весной оканчивает трудовую школу. Сделался взрослым совсем. Но до сих пор не выбрал дороги, по которой надо направить свои мысли. Археологом не хочет быть. Интересуется философией, но теперь в наших учебных заведениях такая дисциплина изгнана. В России еще есть.

На Украине, так богатой памятниками, нет ни одного учебного заведения, где бы читался курс археологии. Это предмет контрреволюционный. Был Археологический Институт, его закрыли. Академия Наук возбудила ходатайство об открытии. Долго молчали, наконец ответили: “Предлагается впредь не возбуждать ходатайства об открытии Археологич. Института”. Коротко, но ясно. Вы можете теперь себе представить в лапах каких мудрецов находится культура. Вам я завидую. Вы оптимист. Я же окружен такими вопиющими фактами, что от оптимизма давно никакого следа.

Радуюсь за Вашего Олега. Шлю ему свои поцелуи и лучшие пожелания. Иной привет получит он позже через несколько дней. Любови Илларионовне, я и моя жена Анастасия Сергеевна шлем искренние пожелания, а если бы она собралась с силами и черкнула бы пару слов, то и глубокою благодарностью.

Иск. Ваш Н. МАКАРЕНКО.

Копия с копии верна:

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ УССР ПО КИЕВСКОЙ ОБЛ. капитан (РАЗУМНЫЙ)

СПРАВКА:

Незаверенная копия настоящего документа

находится в деле оперативного учета под № 4444 в учетно-архивном отделе КГБ при СМ УССР. *Заверенная копия этого же документа находится и в деле оперучета № 12682 на Петри Б. Э. в УКГБ Иркутской области.*

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ УССР ПО КИЕВСКОЙ ОБЛ.

капитан (РАЗУМНЫЙ)

“23” февраля 1960 г.” [15, арк. III–III4].

Копію цього листа конфісковано при арешті М. О. Макаренка.

Як бачимо з цього листа, що йдеться про інтенсивну, майже безкоштовну працю вченого в 1920-х роках у різних організаціях, в умовах голоду і холоду, лише з міркувань ідейно-національних.

А з протоколів допитів видно, що М. О. Макаренка запитували про його стосунки з академіком О. П. Новицьким, Уповноваженим Укрнауки Л. М. Левицьким, професором Д. П. Гордійовим, професором Д. І. Щербаківським, директором Інституту матеріальної культури Ф. А. Козубовським та іншими свідками у його справі. О. П. Новицького він охарактеризував як людину з двоїстим характером (він вороже ставився до Макаренка), з усіма іншими мав ділові стосунки.

Уповноважений ДПУ Сафір, який провадив допити М. О. Макаренка, дійшов такого висновку: “В кінці 1933 і началі 1934 гг. організаціями ГПУ була вскрита розветвленна в культурних центрах ССРСР к/р організація, состоящая преимущественно из работников музеев, ставящая своей целью изменение существующего строя путем свержения соввласти”. Основними звинуваченнями щодо Макаренка стали такі:

За “освідченням” керівника харківського осередку контрреволюційної організації Д. П. Гордійова членом цієї організації в Кисві був М. О. Макаренко.

За доносом комісара О. М. Левицького, Макаренко в 1927 р. на похоронах доведеного до самогубства Д. М. Щербаківського нібито говорив “...палачи тебе замучили. Строить культуру приходится под руководством людей с окровавленными руками” [15, арк. 5]. Цей виступ трактувався слідчим як наклепницький на радянські та партійні установи.

У зв'язку з перенесенням столиці України з Харкова до Києва вийшла урядова постанова про знесення багатьох архітектурних пам'яток світової культури і будівництва на їх місці урядових

установ. Михайлівський Золотоверхий монастир підлягав знесенню. У складі урядової комісії з демонтажу мозаїк і фресок Михайлівського собору був і М. О. Макаренко. Він виступив з гнівним протестом, коли стало відомо про загрозу ліквідації Михайлівського Золотоверхого собору. Професор М. О. Макаренко у своїх листах і телеграмах на ім'я завідділом Наркомату освіти РРФСР Ф. Я. Кона, історика мистецтва, члена-кореспондента АН СРСР Д. В. Айналова, академіка архітектури Г. І. Котова, голови Державної Академії матеріальної культури Ф. В. Кипарисова, президента Всесоюзної Академії мистецтв І. І. Бродського і самого “батька народів” Й. В. Сталіна доводив шкідливість такої акції, наголошував на великому історичному і художньому значенні собору, сподівався на розуміння і допомогу. Макаренко був єдиний серед членів ліквідаційної комісії, хто не підписав акт на руйнацію собору. Вчені Москви і Ленінграда завалили В. А. Балицького і В. П. Затонського протестами. З цієї трагікомедії слідчий робить висновок, що Макаренко включився в компанію націоналістичних елементів проти урядових постанов щодо знесення Михайлівського монастиря.

М. О. Макаренко характеризувався чекістами як антирадянський елемент на тій підставі, що він був почесним членом товариства “Друзів музею М. Рериха”. У вищеназваній справі № 61278 є довідка, в якій повідомляється про це: “по архивним матеріалам дела № 975 проходить Макаренко Николай Емельянович, професор, житель гор. Києва, как почетный член общества “Друзей музея Рериха”. В этих материалах указано, что Макаренко состоит на учете органов госбезопасности как антисоветский элемент. Рерих является русским эмигрантом и сторонником буддизма. Других данных на Макаренко в архивах не имеется. Ст. следователь следуправления КГБ при Совете Министров СССР подполковник (В. Гавриленко). 20 января 1960 года” [15, *арк.* 63].

У матеріалах слідства вчений також згадується як учасник раніше ліквідованих “контрреволюційних організацій “Спілки визволення України” і “Української військової організації”.

За сфабрикованими статтями кримінальної справи М. О. Макаренко не визнав себе винним. У жодній контрреволюційній організації він не перебував. Ніякого стосунку до будь-якої військової організації не мав. Вирок “Особого совещания при

колегії ДПУ УСРР від 23 травня 1934р. оголошував: “Макаренко Н. Е. выслать через ПП ОГПУ в Севкрай сроком на три года, считая срок с 26. 04. 1934 г. К месту ссылки направит одиночным порядком. Из под стражи освободит” [15, *арк.* 20]. Місцем заслання була столиця Татарської автономної республіки м. Казань. М. О. Макаренко дозволили працювати викладачем Казанського художнього технікуму (читав “Історію мистецтв”), консультантом Центрального музею; він також брав участь у реставрації Петропавлівського собору. У вченого склалися доброзичливі стосунки зі студентами і професорсько-викладацьким персоналом. Але пильне око чекістів НКВС відстежувало кожен крок археолога, мистецтвознавця.

Тавро ворога народу чи контрреволюціонера в 30-х роках невідворотно лягало на членів сім'ї репресованого. Подальше мешкання в Києві Анастасії Сергіївни, дружини Макаренка, виявилось неможливим; довелося залишити київську квартиру в академічному будинку на вул. Левашовській, 17-а. Вона слідом за Миколою Омеляновичем рушила на схід, сподіваючись на закінчення строку вільного заслання. Розум не сприймав неминучості й обгрунтованості вироку. Думала про помилковість, випадковість того, що сталося. Мабуть, не відають там, у Москві, того, що чинить місцева влада тут, на периферії. Адже Микола Омелянович суворо дотримувався ленінських декретів про охорону пам'яток архітектури і мистецтва.

У Казані М. О. Макаренко з дружиною оселилися в будинку по вул. Достоевського, 27. кв. 10. Анастасія Сергіївна влаштувалася на роботу консультантом реставраційного відділу Казанського музею. Та вільне заслання виявилось лицемірним і короточасним. Не минуло й року перебування в засланні, як М. О. Макаренко арештовують вдруге. Із архівної слідчої справи № 11037 УКДБ Татарської АРСР довідуємося, що цього разу М. О. Макаренко звинувачувався разом з Батаревичем Інокентієм Феоділовичем, Соколовською Тетяною Олексіївною і Нероновим Кирилом Володимировичем. Всі вони звинувачувалися за ст. 58–10 ч. І і 58–11 (антирадянська агітація) КК РСФСР. Ніяких стосунків з цими людьми Микола Омелянович не мав і їх не знав.

Я не вивчала архівну справу № 11037 УКДБ Татарської АРСР, але, працюючи з архівною справою № 61278 в ЦДАГО м. Києва, мала можливість

ознайомитися з “обзорной справкой по архивно-следственному делу № 11037 по обвинению Макаренко Н. Е. и других”, складеною “ст. следователем следотдела УКГБ при СМ УССР по Киевской области капитаном Разумным” [15, арк. 71, 76]. У ній є такі слова: “Показаний свидетелей или иных доказательств, которые могли бы служить основанием для ареста этих лиц, в деле не имеется, однако после их ареста допросили ряд свидетелей, уличающих обвиняемых в антисоветской деятельности” [15, арк. 72].

Макаренко М. О., Батаревича І. Ф., Соколовську Т. О. звинуватили в тому, що “отбывая в Казани срок высылки, они вновь продолжали вести контрреволюционную работу. Общались между собой на частных квартирах, а также общались с местным казанским духовенством, названные лица в контрреволюционном духе систематически обсуждали внутреннюю и внешнюю политику Советского Правительства, распространяли клеветнические измышления об экономическом и политическом положении СССР, высказывали сочувствие фашизму, высказывали клеветнические суждения о руководителях ВКП(б) и Советского правительства” [15, арк. 72].

На допиті 15.VI. 36 р. “обв. Батаревич показал: Макаренко Николай Емельянович, обращаясь к присутствующим, с возмущением заявил, что политика мира, осуществляемая советской властью — это лицемерие, обман, а не борьба за мир...”. “...Макаренко действительно говорил, что в нашей стране везде хаос и беспорядок. Говорил о страшных картинах голодовки на Украине, что он сам видел валяющиеся трупы” [15, арк. 73].

Свідок Прокопович Дмитро Зиновійович, “1890г. рождения, священник Петропавловского собора в Казани на допиті 16. VI. 36 года показал, что в присутствии других лиц Макаренко Н. Е. говорил: “...В Киеве во всех правительственных учреждениях сидят почти сплошь одни евреи. Украина это своего рода Палестина. Петровский — это совершенно безвестная личность и сделать ничего не сможет. На Украине проведена массовая высылка научных работников, совершенно ни в чем не повинных. Изъято все, кто имеет соприкосновение к церковной истории и археологии. Атмосфера в советском государстве давящая...”. У свідченнях Покоповича також наведено ряд антирадянських суджень Макаренка про “якобы пренебрежитель-

ном отношении со стороны правительства к работникам науки, а также клеветнические высказывания Макаренко по поводу Советской демократии” [15, арк. 74].

Ворожу діяльність М. О. Макаренка підтвердили спеціально підготовлені свідки. Так, студент Казанського художнього технікуму Годунов Василь Іванович на допиті 28. V. 36 р. заявив: “Преподавая историю искусства Макаренко Николай Емельянович пытался возбудить у нас, студентов, отрицательное отношение к современности. Отдельные его объяснения были явно антисоветскими. Касаясь вопросов учебных пособий, Макаренко Н. Е. нам, студентам, говорил: “Ценные книги по истории искусств только старые, их много, но читать и пользоваться ими нам, студентам, не удастся, т. к. они не соответствуют духу времени, а новые, советские книги лучше не читайте” [15, арк. 75].

На допиті М. О. Макаренко запитали, чому він відмовився від керівної посади комісара в ленинградському Ермітажі. Микола Омелянович відповів: “Факт отказа от приема мною должности комиссара Эрмитажа в Ленинграде имел место в первый месяц существования Соввласти. Отказался я потому от этой должности, что такая должность мне не по духу, и не по характеру” [15, арк. 76].

Цього разу Особлива Народа при НКВС СРСР “справу” М. О. Макаренка розглянула в Москві 21 серпня 1936 р. без підсудного. Лист М. О. Макаренка, адресований Й. В. Сталіну щодо руйнування архітектурних слов’янських споруд 1000-літньої давності був витлумачений як наклепницький. Новий вирок був ще суворішим: “За контрреволюционную работу и клевету в отношении вождя ВКП(б) и руководителей правительства” [13, 81]. М. О. Макаренко, а також Батаревич І. Ф., Неронов К. В., Соколовська Т. А. “осуждены к заключению сроком на 3 года каждый” [15, арк. 76]. Виправно-трудоуважний табір № 2, куди їх відправили, знаходився в тайзі Томської області, на правому березі ріки Об.

Анастасія Сергіївна Федорова-Макаренко доклала всіх зусиль для звільнення чоловіка. Та віднині будь-які контакти з ним стали неможливі, заборонялося все, навіть листування. Вона надсилала прохання до К. П. Пешкової, першої дружини Максима Горького, яка працювала в “Товаристві допомоги політ’в’язням”, що тоді легально діяло в СРСР як відділок Міжнародного комітету Червоного Хреста і Червоного Півмісяця. Писала в інші орга-

ни. Та все це було марно. Наближався останній акт трагедії. З матеріалів № 6805 “Томским горотделом НКВД в период 16-19 декабря 1937 года с санкции помощника городского прокурора были арестованы и привлечены в качестве обвиняемых следующие ранее осужденные и содержащиеся в трудколонии № 2 лица: Гордиенко Дмитрий Герасимович, Макаренко Николай Емельянович, Вавилов Константин Васильевич, Эссен Михаил Николаевич, Трухан Владимир Павлович, Авров Василий Павлович, Глазунов Владимир Николаевич, Орлов Александр Михайлович, Барковский Абрисим Иосифович” [15, арк. 77, 77 зв., 78]. Згідно з архівно-слідчою справою № 6805 всі вони звинувачувалися за ст. 28, п. 2 (збройне повстання), п.10 (антирадянська агітація) і п. 11(контрреволюційна організація). На 1937 р. випадає пік вакханалії беззаконня — судять навіть тих, хто перебуває у в’язниці, усі кримінальні справи розглядаються в десятиденний термін без участі захисника. Цього разу Миколу Макаренка

звинуватили як “учасника кадетско-монархической повстанческой контрреволюционной организации “Союз спасения России”, имевшей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания” [15, арк. 79]. Через 10 днів, 4 січня 1938 р., Миколу Макаренка розстріляли. Йому було 60 років. Сотні тисяч невинних жертв поховані в безіменних могильниках уздовж високого берега річки Об у Томській області.

Після XX з’їзду КПРС, на якому М. С. Хрущов викрив апокаліптичні злочини 1930–40 років, почалася реабілітація жертв сталінського терору. Анастасія Сергіївна звернулася в Томське управління КДБ з приводу реабілітації М. О. Макаренка. А одержавши звістку про його реабілітацію, невдовзі померла 27 липня 1971 р. Реабілітація вченого тривала майже тридцять років — від постанови президії Верховного суду Татарської АРСР у 1960 р. і звернення дружини з запитом у 1966 р. до 1989 р., коли науковця було реабілітовано повністю.

Література:

1. Білодід О. І. Про Макаренка М. О. / О.І. Білодід — Археологія. — 1989. — № 1. — С. 122–123.
2. Бугрим В. Микола Омелянович Макаренко: 134-річчя з дня народження / В. Бугрим. — К., 2011.
3. Звагельський В. Б. Невтомний у праці / Б.В. Звагельський // Репресоване красзнавство. — К., 1991. — С. 161–167.
4. Єфремова В. Голос правди і чистої совісті / В. Єфремова, Ю. Кухарчук // Справи сімейні. — 2013. — № 2. — С. 6–8.
5. В. Єфремова. На захисті культурної спадщини України // Культура і життя. — 2013. — № 7. — С. 11.
6. Іващук Л. Архівні фонди музейних установ гуманітарного циклу / Л. Іващук // Всеукраїнська Академія Наук (1918–1934 рр.): монографія. — К., 2012. — С. 209–225.
7. Киркевич В. Киевское содружество Рерихов / В. Киркевич. — К., 2005. — С. 81–93.
8. Макаренко Д. Є. Епістолярна спадщина М. О. Макаренка / Д.Є. Макаренко // Археологія. — 1992. — № 4. — С.101–108.
9. Макаренко Д. Є. Микола Омелянович Макаренко / Д.Є. Макаренко. — К.: Наукова думка, 1992.
10. Макаренко Д. Є. Мистецтвознавець, археолог, художник (До 125-річчя від дня народження М. О. Макаренка) / Д. Є. Макаренко // Українська академія мистецтв. — Вип. 9. — К., 2002. — С. 245–250.
11. Макаренко Д. Є. Захисник церковної архітектури / Д. Є. Макаренко // Історичний календар. — К., 2003. — С. 102–104.
12. Макаренко Д. Є. Шлях до храму: науково-історичне есе / Д. Є. Макаренко. — К.: Хрещатик, 2006.
13. Савенко Є. Татарський спецпоселенець. (Стаття. Машинопис), 2009. — С.1–6.
14. Енциклопедія історії України. — К.: Наукова думка, 2009, Т. 6. — С. 439.

Архівні джерела:

15. ЦДАГО України. — Ф. 263.— Оп. 1. — Од. зб. 61278. — Арк. 1-а, 2, 11, 12. Машинопис.
16. ЦДАК України.— Ф. 1235. — Оп. 1. — Од. зб. 620, —Арк.1, 1 зв. Оригінал. Рукопис.
17. ЦДАМЛМ України.— Ф. 1401.— Оп. 1.— Од. зб. 61. —Арк. 1–2. Оригінал. Рукопис.
18. ДАКО України, ф. 4156, оп. 1, од. зб. 4, арк. 239–241. Оригінал. Рукопис.